

Леонтьева Людмила Евгеньевна, Яковлева Олимпиада Валерьевна

КОННОТАТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОКАТИВОВ В ДИСКУРСЕ

В данной работе рассматриваются вокативы, выраженные средствами эмоционально-экспрессивной лексики, на материале таких разноструктурных языков, как русский, чувашский и английский. Особое внимание уделяется семантическим, синтаксическим и морфологическим способам выражения эмоциональной оценки. В статье анализируются мелиоративные и пейоративные вокативные высказывания. Сопоставление языков дает возможность определить их общие и этноспецифические черты.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/1-2/32.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 1(79). Ч. 2. С. 337-340. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

3. **Национальный корпус русского языка** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorgora.ru/> (дата обращения: 28.11.2017).
4. **Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.** Толковый словарь русского языка. М.: ИТИ Технологии, 2003. 940 с.
5. **Словарь служебных слов русского языка** / отв. ред. Е. А. Стародумова. Владивосток: ДВГУ, 2001. 363 с.
6. **Стародумова Е. А.** Параметризация описания частиц и опыт их словарного представления // Форма и содержание единиц языка и речи. Владивосток: Дальнаука, 1998. С. 157-167.
7. **Стародумова Е. А.** Частицы русского языка (разноаспектное описание). Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2002. 292 с.
8. **Щур М. Г.** Частицы в толковых словарях // Словарные категории: сб. ст. / Науч. сов. по лексикологии и лексикографии; Ин-т рус. яз. АН СССР; отв. ред. Ю. Н. Караулов. М.: Наука, 1988. С. 83-87.

PROBLEMS OF LEXICOGRAPHIC DESCRIPTION OF PARTICLES

Lang Shuo

Far Eastern Federal University, Vladivostok
raymon090@yandex.ru

This article is devoted to the problems of the lexicographic description of the Russian particles: particles in explanatory and special dictionaries, the modern state of lexicography of function words, the projects of lexicographic representation proposed by different linguists. The main problems in the lexicography of particles are in the compilation of the vocabulary and in determining the parameters of their description. The conclusions are drawn that the lexicographic description of different types of particles requires the development of different variants of parametrization.

Key words and phrases: particles; lexicographical description; function words; parameters of dictionary entry; special vocabulary of function words.

УДК 81:316.77

В данной работе рассматриваются вокативы, выраженные средствами эмоционально-экспрессивной лексики, на материале таких разноструктурных языков, как русский, чувашский и английский. Особое внимание уделяется семантическим, синтаксическим и морфологическим способам выражения эмоциональной оценки. В статье анализируются мелиоративные и пейоративные вокативные высказывания. Сопоставление языков дает возможность определить их общие и этноспецифические черты.

Ключевые слова и фразы: вокатив; коннотация; лингвокультура; эмоциональная оценка; мелиоратив; пейоратив; дискурс.

Леонтьева Людмила Евгеньевна, к. филол. н.

Яковлева Олимпиада Валерьевна, к. пед. н.

Чебоксарский институт (филиал) Московского политехнического университета
ludmilla-78@mail.ru; yakol76@mail.ru

КОННОТАТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОКАТИВОВ В ДИСКУРСЕ

*Ырă сăмах лайăх кун нек.
Сивĕ сăмах çулла та сивĕ. /
Доброе слово, что ясный день.
Неприветливое слово и летом студит
(Пословицы чувашского народа).*

Известно, что в процессе диалогического общения говорящий не только передает информацию, но и выражает свое отношение к предмету сообщения или к своему собеседнику. Оценочный компонент необходим в дискурсе, так как мы не только отражаем окружающий нас мир, но и оцениваем его. Оценка неразрывно связана с основной целью акта коммуникации.

Анализ языкового материала показал, что положительное отношение адресата к адресанту демонстрируют мелиоративы, которые можно охарактеризовать как «коммуникативные единицы, ориентированные на собеседника с целью оказания на него положительного эмоционально-оценочного воздействия» [3, с. 14]. Их основной прагматической целью является оказание эмоциональной поддержки собеседнику, проявление доброжелательности, признательности, симпатии, личной заинтересованности, например:

рус. **Вахид.** Ну скажи еще раз, **прелесть моя!** <...> Улыбнись мне, **моя звездочка** [2, с. 36]!..

Вахид. Иди ко мне, **моя жизнь, мой микромир!**.. **Звезда моя** [Там же, с. 34-35]!..

Курбатов. **Радость ты моя! Счастье ты мое** [4, с. 42]!..

чув. – **Саншан тем тума та хатёр, чуням** [6, с. 97]. /

– *Я все готов для тебя сделать, душа моя* (здесь и далее перевод авторов статьи. – Л. Л., О. Я.).

– *Итлетён, чуням, ман уйăхăм... ман çăлтăрăм... телейём* [Там же, с. 128]!.. /

– *Слушаю, душа моя, месяц мой, звездочка моя, счастье мое...*

- *Зина, есё манӑн пурӑс, хӗвелӑм!.. Эсӗ – кӗтнӗ телейӑм* [Там же, с. 196]... /
- *Зина, ты моя жизнь, солнышко мое!.. Ты – долгожданное счастье...*
- англ. – *Oh, no, my love; but you will soon be tired* [13, p. 158]. /
- *О, нет, любовь моя; но скоро ты устанешь.*
- *Time, my dearest Emma, time will heal the wound* [Ibidem, p. 321]. /
- *Время, моя драгоценнейшая Эмма, время вылечит раны.*

В проиллюстрированных примерах содержащаяся в мелиоративах коннотация свидетельствует о любви, симпатии, позитивном отношении к коммуниканту, расположенности к нему. Можно утверждать, что данные речевые единицы употребляются в дискурсе не только с целью установить контакт, но и характеризуются стремлением говорящего вызвать положительную реакцию партнера диалогического общения, поддержать и углубить позитивные взаимоотношения.

Примечательно, что в анализируемых высказываниях существенное эмоционально-оценочное значение имеют притяжательные местоимения, которые демонстрируют включение говорящего в личное пространство собеседника.

Подчеркнем, что в чувашском языке значение притяжательности может выражаться при помощи суффиксов принадлежности -м, -ӑм, -ӗм, например: *чун-ӑм* – душа моя, *телей-ӗм* – счастье мое, а также посредством двойных суффиксов принадлежности -ӗм / -ӑм + -ӗм, использование которых придает значение большей ласкательности, например:

- *Чунӑмӗм, мӗншӗн халӗ те пӑрса каймастӑн* [8, с. 192]? /
- *Душенька моя, почему до сих пор не приходишь?*

Отметим, что мелиоративы часто коррелируются с притяжательными местоимениями и прилагательными. Такое сочетание повышает степень эмоционального воздействия на коммуниканта, например:

- рус. **Мифодьев.** *Глаша, Глаша, огонек мой далекий, что же ты с собой сделала* [12, с. 267]?
- чув. – *Люда, Люда, эсех-и ку, ман сӑнмен ӗлтӑрӑм* [6, с. 185]. /
- *Люда, Люда, ты ли это, моя недогоревшая звезда.*

англ. **Louise.** *Walter, my dear, I do hope I didn't disturb your lesson* [18, p. 56-57]... / *Уолтер, мой дорогой, надеюсь, не помешал твоему уроку...*

Как видно из вышеприведенных примеров, распространенные мелиоративы сочетают в себе наименование адресата речи с его развернутой характеристикой и демонстрируют эмоционально-психологический контакт между коммуникантами.

Анализ языкового материала показал, что особенностью английской лингвокультуры является широкое использование прилагательных в превосходной степени в качестве обращений, например:

- “*My dearest Emma*”, said he, “*for dearest you will always be... my dearest, most beloved Emma...*” [13, p. 325]. /
- «*Моя дорогая Эмма, – сказал он, – ты всегда будешь самой дорогой... моя самая дорогая, самая любимая Эмма...*».

Особо следует подчеркнуть, что мелиоративы особенно присущи для обращения с детьми. Нельзя не отметить того, что, формируя эмоциональное состояние детей, они способствуют их духовному развитию, например:

рус. **Моника.** *(Ребенок начинает плакать.) Миленький мой! Ты плачешь? Не плачь, мое солнышко, не плачь, мой сахарный* [7, с. 215].

Мария Кирилловна (причитая). *Доченька ты моя, ягодка ты моя* [4, с. 66]!..

чув. **Савни (ачине сиктерет).** *У-у-у! Мӗн пулчӗ-ха ӗнтӗ пӗчӗк ӑмӑрт кайӑкӑма? <...> Кам кӑрентернӗ пӗчӗк арысланӑма? <...> Тем пулчӗ манӑн пӗчӗк пепкене... Чарӑнчӗ те вӑл, пӗчӗк ӑмӑрт кайӑкӑм* [10, с. 137-138]! /

Любимая (качает ребенка). *У-у-у! Что же случилось с маленьким орленком? <...> Кто обидел маленького львенка? <...> Что же случилось с моим маленьким ребенком... Вот и успокоился, маленький орленок!*

англ. – *Oh, my sweet, my sweet, my darling boy* [15, p. 520]! /

– *О, мой сладкий, мой сладкий, мой дорогой мальчик!*

Mrs. M. *Come along, my little girl – mother will look after you. Mother will put you into bed* [14, p. 189]. /

Пойдем, моя маленькая девочка, – мама позаботится о тебе. Мама уложит тебя в постель.

В рамках настоящей работы рассматривается эмоционально-оценочная лексика, сообщающая не только о положительном отношении коммуникантов друг к другу. Несомненный интерес представляют также пейоративы, которые демонстрируют неприятие говорящим своего собеседника и приобретают оттенки презрения, пренебрежения, неодобрения, издевки и укора, например:

рус. **Людмила.** *Почему ты здесь? Неужели?.. Почему ты здесь? (Вдруг размахивается и отпускает Ермакову сильную пощечину.) Негодяй! Подлец* [5, с. 322]!..

Калиберов (задыхаясь от гнева). *И ты... ты ее выпустила? Растяпа! И чем только господь твою голову набил?!.. (Хрипит.) Дура! Дура! Чертова кукла* [4, с. 60-61]!..

чув. **Лиля.** *Мӗн сӑнпӗттен эс, Анюта?! Эс, эс – ухмах* [11, с. 170]! /

Лиля. *Чего ты болтаешь, Анюта?! Ты, ты – дура!..*

Вӑрӑмми. *Сӑтӗк* [Там же, с. 156]! / **Длинный.** *Тупица!*..

англ. – *Mutton-head! – exploded Thomas* [16, p. 106]. /

– *Дурак! – взорвался Томас.*

– *Open up, idiot! – shouted Thomas angrily* [Ibidem, p. 75]. /

– *Открой, идиот! – крикнул Томас сердито.*

Как видно из приведенных примеров, анализируемые речевые единицы используются адресатом с целью воздействовать на собеседника, а именно – вывести его из состояния эмоционального равновесия. Подчеркнем также, что данными пейоративными высказываниями нельзя привлечь внимание, они служат, прежде всего, средством характеристики собеседника и имеют коннотативное значение.

Следует заметить, что нередко в диалогическом общении используются вокативы с наибольшей инвективной нагрузкой, направленные на то, чтобы еще больше оскорбить и унижить коммуниканта, более ярко выразить свою ненависть и ярость, например:

рус. **Нурдин**. *Отстань от меня, негодяй!*..

Голос Масадька. *Ну и сволочь же ты, Нурдин.*

Голос Нурдина. *Это я сволочь?! Так вот же тебе, изменник.* [1, с. 226]!..

чув. **Люда**. *Мён таван эсё? Вёл тарпа, юнна илнё медальсене тэкёме сана сьлэх.*

Лаппи. *А-а, проститутка! (Спать).*

Люда. *Э-э, тёрме пыйти* [6, с. 176]. /

Люда. *Что ты делаешь? Грех брать медали, заслуженные кровью и потом.*

Лаппи. *А-а, проститутка! (Бьет).*

Люда. *Э-э, тюремная вошь.*

англ. – *You're an ass!* – said Thomas rudely.

– *Ass yourself!* – returned Charles, hurt [16, p. 45]. /

– *Ты – осел!* – сказал Томас грубо.

– *Сам осел!* – ответил Чарльз обиженно.

В приведенных микродиалогах можно наблюдать, как агрессия, направленная на адресата, возвращается в такой же экспрессивной форме адресанту, что свидетельствует о достижении перлокуции.

Анализ фактического материала показал, что наиболее отрицательными, уничижительными считаются вокативы, структура которых расширяется за счет включения имен прилагательных, усиливающих эмоциональное значение. Подобные выражения приобретают иной уровень экспрессивно-оценочной коннотации, например:

рус. **Шакарлинский**. *Сиди, болван! Взяточник какой, негодяй, грязный пес* [2, с. 41]!

чув. **Зинаида Егоровна**. *Эсир элексё! Эсир нутсёр сын* [9, с. 63]! /

Зинаида Егоровна. *Вы клеветник! Вы гнусный человек!*

англ. **Edmund** (*indignantly*). *Shut up, you damned fool* [17, p. 117]! /

Эдмунд (*возмущенно*). *Заткнись ты, проклятый дурак!*

– *The damned old scoundrel! The dirty blackguard* [Ibidem, p. 23]! /

– *Проклятый старый негодяй! Грязный мерзавец!*

В подобных случаях мы имеем дело с инвективной градацией, которая передает наивысшее возбуждение говорящего, усиливает степень воздействия оскорбления на собеседника. Интенсивность в них выражается в использовании более экспрессивных речевых единиц вокативного типа, в перечислении инвективов, имеющих эмоциональную окраску. Прагматическая цель исследуемых вокативов состоит в стремлении сделать речевое высказывание точным и убедительным и усилить его перлокутивный эффект.

Таким образом, эмоционально-оценочное значение вокативов выражается различными способами. Перечисленные в данной работе способы передачи коннотативного значения вокативов в дискурсе не исчерпывают все возможные варианты, так как рассматриваемые лингвокультуры обладают богатством языковых ресурсов. Однако изучение иллюстративного материала дает возможность утверждать, что, в отличие от английского языка, для носителей которого характерна сдержанность и большее однообразие в выборе вокативов, русский и чувашский языки, напротив, отличаются экспрессивностью в выражении эмоций, а также частотностью употребления мелиоративов и пейоративов в речи.

Итак, проведенное исследование показывает, что вокативы с коннотативным значением широко используются для выражения оценки собеседника. Контрастивный анализ речевых единиц вокативного типа позволяет выявить их общие черты, а также национально-культурные особенности функционирования в дискурсе представителей названных лингвокультурных социумов.

Список источников

1. Абдумомунов Т. Обжалованию не подлежит // Пьесы советских писателей: в 6-ти т. М.: Искусство, 1974. Т. 4. С. 197-254.
2. Ибрагимов М. Деревенщина // Пьесы советских писателей: в 6-ти т. М.: Искусство, 1974. Т. 5. С. 5-62.
3. Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Языки славянских культур, 2009. 512 с.
4. Макаенок А. Извините, пожалуйста // Пьесы советских писателей: в 6-ти т. М.: Искусство, 1972. Т. 1. С. 7-70.
5. Мдивани Г. Твой дядя Миша // Пьесы советских писателей: в 6-ти т. М.: Искусство, 1974. Т. 5. С. 299-346.
6. Никитин Е. Н. Ватӑ чӑре – ҫамрӑк чун: пьесӑсем. Шупашкар: Чӑваш кӑнеке изд-ви, 1999. 240 с.
7. Приеде Г. Лето младшего брата // Пьесы советских писателей: в 6-ти т. М.: Искусство, 1972. Т. 1. С. 205-260.
8. Сидоров Н. И. Пуҫа килсен – пуҫана // Аҫта эс, ҫӑлӑнӑҫ?... пьесӑсем. Шупашкар: Чӑваш кӑнеке изд-ви, 2005. С. 176-226.
9. Терентьев Н. Т. Манаймаҫтап сана // Аҫта эс, ҫӑлӑнӑҫ?... пьесӑсем. Шупашкар: Чӑваш кӑнеке изд-ви, 2005. С. 50-96.
10. Туркай В. В. Аҫта эс, ҫӑлӑнӑҫ? // Аҫта эс, ҫӑлӑнӑҫ?... пьесӑсем. Шупашкар: Чӑваш кӑнеке изд-ви, 2005. С. 98-139.
11. Туркай В. В. Каҫар мана // Аҫта эс, ҫӑлӑнӑҫ?... пьесӑсем. Шупашкар: Чӑваш кӑнеке изд-ви, 2005. С. 140-174.
12. Чепурин Ю. Мое сердце с тобой // Пьесы советских писателей: в 6-ти т. М.: Искусство, 1975. Т. 6. С. 245-295.
13. Austen J. Emma. Claremont: Penguin Group, 1994. 367 p.
14. Brand M. Plays. Moscow: Progress publishers, 1965. 232 p.

15. Dreiser Th. The Financier. Moscow: Foreign languages publishing house, 1954. 566 p.
 16. Michael M. Timpetill. L.: Oxford University Press, 1959. 208 p.
 17. O'Neill E. Long Day's Journey into Night // Three American Plays. Moscow: Progress Publishers, 1972. P. 10-127.
 18. Shaffer P. Five Finger Exercise // Modern English Drama. Moscow: Raduga Publishers, 1984. P. 33-156.

THE CONNOTATIVE FEATURES OF VOCATIVES IN THE DISCOURSE

Leont'eva Lyudmila Evgen'evna, Ph. D. in Philology
 Yakovleva Olimpiada Valer'evna, Ph. D. in Pedagogy
 Cheboksary Institute (Branch) of Moscow Polytechnic University
 ludmilla-78@mail.ru; yakol76@mail.ru

The paper examines vocatives expressed by emotional-expressive vocabulary. The study is executed by the material of such differently structured languages as Russian, Chuvash and English. Special attention is paid to the semantic, syntactical and morphological means to express emotional evaluation. The author analyzes meliorative and pejorative vocative statements. A comparative linguistic analysis allows identifying their common and ethno-specific features.

Key words and phrases: vocative; connotation; linguo-culture; emotional evaluation; meliorative; pejorative; discourse.

УДК 81'362

Статья посвящена рассмотрению функционирования временных форм русского языка в высказываниях, в которых задействованы союзы «что» и «как», вводящие воспринимаемую ситуацию. При выражении одновременности/синхронности двух ситуаций – ситуации восприятия и воспринимаемой ситуации – одной временной формой прошедшего совершенного вида частотность ее функционирования составляет 44-28%. Интервал совпадения ограничен значением целостности. Одновременное выражение воспринимаемой ситуации и ситуации восприятия полноценными предикатами встречается только в союзных сложноподчиненных предложениях, частотность функционирования которых высока.

Ключевые слова и фразы: перцептивность; временные формы; синхронность; прошедшее совершенное время; сложноподчиненное предложение.

Лутфуллина Гюльнара Фирдавиевна, д. филол. н., доцент
 Казанский государственный энергетический университет
 glutfulina@mail.ru

Бобырева Наталья Николаевна, к. филол. н.
 Казанский (Приволжский) федеральный университет
 nathalienb@yandex.ru

ВЫРАЖЕНИЕ КАТЕГОРИИ ПЕРЦЕПТИВНОСТИ ФОРМОЙ ПРОШЕДШЕГО СОВЕРШЕННОГО ВИДА

Совершенный вид является базисным маркированным средством выражения возникновения новой ситуации, что предполагает проявление последствий предела на уровне высказывания [1, с. 367-381]. «Совершенный аспект рассматривает завершённую ситуацию, при этом ее внутренняя временная структура не анализируется» [11, р. 13]. Одним из факторов актуализации является включенность действия в аспектуально-таксисные ситуации типа «ряд наступлений», «длительность – наступление». Аналогичной точки зрения придерживаются ведущие аспектологи А. А. Зализняк и А. Д. Шмелев. Они пишут, что из всех значений совершенного вида конкретно-фактическое значение является основным, обозначая единичное событие, имевшее место в прошлом или будущем [3, с. 15].

С позиций прагматики основа категории совершенного вида выглядит несколько иначе. «Временной интервал предполагает измерение расстояния между двумя точками или интервалами времени: чтобы этот интервал был уместным, не менее двух таких временных точек должны быть задействованы в интерпретации содержания предложения» [10, р. 120]. По мнению Г. М. Зельдовича, для множества, обозначенного с помощью глагола, имеет место на одном временном интервале только одна ситуация [4, с. 45]. Ситуация представляет собой содержание с временной приуроченностью. Логическая формула означает, что на каком-то временном интервале имеется то, что описывается глаголом [Там же, с. 55]. Совершенный вид всегда выражает приуроченность ситуации к единственному интервалу. Согласно Г. М. Зельдовичу, всякая ситуация единична: есть лишь один интервал, о котором говорится в ситуации [Там же].

С позиций прагматики Г. М. Зельдович утверждает, что, употребляя глагол совершенного вида, мы мысленно классифицируем ситуацию как одну из множества подобных (хотя в этом множестве может быть всего один элемент). Согласно постулатам прагматики, всегда естественнее представить себе тот вариант, при котором с глаголом совершенного вида связано лишь одно множество. Именно этим мотивируется ассоциация совершенного вида с реальной однократностью [Там же, с. 45].